

**ЧИТАЙТЕ В АВТОРСКОЙ СЕРИИ
ВАЛЕРИЯ БОЧКОВА
«ЭРОС И ТАНАТОС»:**

«Горгона»

«К югу от Вирджинии»

«Медовый рай»

«Берлинская латунь»

«Сады Казановы»

«Возвращение в Эдем»

«Мужчины настоящие и другие, которые так себе»

«Сердце и другие органы»

В А Л Е Р И Й
БОЧКОВ

БЕРЛИНСКАЯ
ЛАТУНЬ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
Б86

Издание подготовлено при содействии
Литературного агентства и школы «Флобернум»

Миссия «Флобернума» — открывать звезды и дарить их людям,
чтобы жизнь стала ярче

Бочков, В.

Б86 Берлинская латунь / Бочков В. — М.: Флобернум /
RUGRAM, 2021. — 188 с.

ISBN 978-5-521-90186-9

На берлинском рождественском базаре бывший пианист Дмитрий Спирин и его американская подруга Мария покупают латунный самовар, который в итоге оказывается не простым барахлом, а тайником для бриллианта «Глаз Фафнира» — сокровища Третьего Рейха.

На самоваре обнаруживается гравировка, подтверждающая, что раньше он принадлежал композитору Курту Вайлю. Дмитрий и Мария выясняют, что Вайль сохранил самовар, подарив его своей любовнице Лейбовиц, которую сгноили в лагерях. Расследования приводят героев к поразительным открытиям.

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90186-9

© В. Бочков, текст, 2020
© ООО «Флобернум», 2021
© Александр Кудрявцев, обложка, 2020

БЕРЛИНСКАЯ ЛАТУНЬ

роман

В моем американском путеводителе написано: «Декабрь в Берлине хмур, и город может произвести недружелюбное впечатление». Типично американское жеманство — мы вышли в непроглядную темень, промозглую и сырую. Сырость чуть-чуть не доползла до точки замерзания и сыпала колючей гадостью в лицо.

— Такие вещи нельзя показывать детям. — Мария сердито подняла воротник и, завладев моим локтем, потянула в сторону мутных огней Фридрихштрассе. — Просто не пускать с детьми, и все!

Выставка называлась «Топография террора». С немецкой дотошностью тут были собраны, классифицированы и выставлены тысячи документов, относящихся к истории СС. От начала двадцатых, от банды Шрека — дюжины пьянчуг, охранявших Адольфа во время его задиристых речей по пивнушкам Мюнхена, до рейхсколосса — гипертрофированной государственной структуры со своей кавалерией и танковыми частями. Кавалерийская дивизия игриво именовалась «Мария-Терезия» и каким-то образом избежала наказания в Нюрнберге.

В чернильном небе над низкорослым провинциальным горизонтом торчала телебашня с мерцающим стальным шаром — там смотровая площадка и дрянной ресторан, который мы спонтанно посетили накануне. После их венского шницеля я до полуночи глотал соду, мучаясь от свирепой изжоги. Впрочем, панорама из ресторана открывалась потрясающая.

Мария ткнулась холодным носом мне в щеку, от волос пахло незнакомым гостиничным шампунем — что-то фальшиво-еловое. Мостовая шла с едва уловимым уклоном, мы наступали на свои тающие тени, постепенно они слились с влажной чернотой асфальта. Мы вошли во мрак.

Справа и слева таинственно темнел неосвещенный пустырь, там вполне могла таиться бездна, или пашня, или вообще что угодно. Слева бледнел кусок Стены, оставленный немцами на память самим себе о неукротимой настырности социализма, в данном случае не национального, а демократического.

— Знаешь, когда мне было девять лет... — начала Мария и сделала паузу.

Я знал: «...мы путешествовали по Европе, и в Амстердаме отец повел нас в музей Анны Франк». Слышал эту историю два раза, но, не сказав ничего, поощрительно кивнул, и она продолжила:

— Мы путешествовали по Европе, и в Амстердаме отец повел нас в музей Анны Франк. Такой обычный голландский дом — узкий, с крутыми тесными лестницами... на каком-то канале.

«Принсенграхт», — подумал я. В Амстердаме я бывал часто, играл во всех трех залах Концертгебау — в Зеркальном зале, на мой взгляд, лучшая акустика в Европе. Мне только исполнилось двадцать девять, был ранний апрель, с Королевским симфоническим мы записали ля-мажорный концерт Листа и «Пляску смерти» — сказочное время.

— Там была одна фотография, мутная, черно-белая. — Мария говорила тихо. — Из-за этой мути еще более жуткая... Знаешь, когда самые страшные детали сознание само додумывает?

Я кивнул, разглядывая пунктир красных огоньков, пульсирующих по игле телебашни.

— Их подвесили на крюках, как в мясной лавке. Ее и сестру. Или мать — я не помню, я лишь мельком взглянула и сразу зажмурилась. А потом мне это снилось: мясницкие крюки, сапоги по лестнице... Ахтунг, шнеллер! Снилось, что я под кроватью, они по полу фонариком рыщут, топают, ругаются. Немцы...

Я снова кивнул.

— И все из-за одной фотографии. — Она поежилась, шмыгнула носом. — О чем он вообще думал, когда тащил туда девятилетнего ребенка?

Я видел ее отца, основательного здоровяка в рубаше цвета закатного неба, всего однажды. На День благодарения. В Калифорнии. Не знаю про Амстердам, но там, в Санта-Монике, он явно прикидывал, сколько я еще собираюсь морочить голову его дочери. Мы остались на веранде вдвоем, под ногами скакали наглые калифорнийские воробьи, бойко стуча клювами в рыжую кафельную плитку. Я жмурился на солнце, тянул из горлышка лимонад, избражая райское блаженство. Так у них в Лос-Анджелесе принято. Он внимательно чистил апельсин перочинным ножом, стараясь не порвать длинную ленту кожуры. Оранжевые кольца змеились по поддельному мрамору стола. Очистив, молча протянул апельсин мне.

От одного воспоминания у меня поднялась изжога. Ехать с Марией в Берлин было глупостью. А еще трусостью и подлостью. Рубить надо было тогда, в начале декабря, когда возвращались из Хэмптона. Мария сама затеяла разговор, беспомощно и нервно обвиняя меня в эмоциональной дистрофии и душевном инфантилизме, что было правдой, но далеко не всей правдой. С торопливостью труса я перебил ее туманными заверениями, скомканными и косноязычными. Момент был упущен — и вот мы в Берлине.

— Еще звезды эти желтые. Им давали выкройки, представляешь? Выкройки и инструкции, куда ее пришивать, сколько там сантиметров от плеча, сколько до локтя. — Мария засеменила, пытаясь приладиться под меня. — Представляешь? Я бы просто не стала пришивать, и все.

Из тьмы послышались шаги, потом, шаркая, выплыл силуэт.

— Да. Иду по дороге. — Человек прижимал телефон к уху, половина лица мерцала сизым. — Темно. Ничего не видно. Какие-то люди идут навстречу. Темно, не понять.

Мария хмыкнула, потом повторила:

— Не стала бы, и все.

— Ну так ты ведь и не еврейка.

— А ты бы стал пришивать? Ведь ты ж наполовину...

— На четверть, — перебил я. — На четверть.

Мое отношение к еврейству — как в частности, так и в целом — простым не назовешь. С одной стороны, бабушка Лида (даже с того света, хотя иудеи и не верят в загробные кущи, что меня тоже несколько настораживает) дала моим родителям бесценный шанс уехать и увезти меня из подыхающей империи. А с другой — наша израильская виза оказалась лишь пропуском в свободный мир: ни у кого и в мыслях не было поднимать целинные земли Израиля. Так что наша семья, впрочем, как и миллионы других бывших совграждан, совершила классический тур Вена — Италия — Америка, оставив Землю обетованную при ее трэфовом интересе. Малолетство мое может сойти за оправдание — тогда мне исполнилось лишь четырнадцать.

Корявыми контурами выплывали голые липы, потянуло теплом и едой. Опасливо выглянула луна и тут же исчезла в рваной прорехе. Мы выбрались наконец на Фридрихштрассе. Темень перетекла в морозящую зыбь желтых фонарей, казалось, тротуар был мелко усыпан битым стеклом.

Посередине проезжей части громоздилась фанерная будка пропускного пункта Чекпойнт Чарли — тут когда-то проверяли паспорта путешественников из капитализма в социализм и обратно. Дородная голландка, изрядно пьяная, позировала между двумя молодцами, наряженными солдатами, американцем и гэдээровцем. Они лениво помахивали мокрыми тряпками больших флагов. Голландцы мигали вспышками, гортанно чем-то восторгались, девица хохотала, потом стала звучно икать. Мария не удержалась, выудила из кармана камеру, незаметно сделала пару снимков. Откуда-то потянуло сгоревшими сосисками.

Мария права: духовный инфантилизм — моя беда, у меня душа даже не ребенка (поскольку ребенок-то как раз чист), у меня душа примата, макаки-резуса. Душа-зародыш. А может, даже и зародыша там нет, так, доброкачественная опухоль. Ведь бывает же ложная беременность со всеми внешними признаками, включая утреннюю тошноту и соленые огурцы? Я пытаюсь понять, как возник этот изъян, что и где нужно жечь каленой сталью, как укус гадюки. Если, конечно, еще не поздно и яд не успел растечься по